

Flasi_XP

Коты-Воители

Ледяной шепот пустыни

Flasi XP

**Коты Воители Ледяной
Шёпот Пустыни**

«Автор»

2026

ХР F.

Коты Воители Ледяной Шёпот Пустыни / F. ХР — «Автор»,
2026

Когда Черная Звезда взойдет над песками, а Темно-Серая Звездочка разобьется в пыль, наступит час Перелома. Лишь в их лапах дыхание рассвета, лишь в их когтях судьба племени. Спасут и обретут жизнь, но цена будет выжжена на их телах навеки. Не спасут — и сами станут жертвами на алтаре пустыни, где от них не останется даже тени, Смогут ли Тень и Чешуйница спасти Третье племя и вернуться живыми?

© ХР F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОРОЧЕСТВО	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Flasi ХР

Коты Воители Ледяной Шёпот Пустыни

ПРОРОЧЕСТВО

Ледяной шёпот пустыни

Когда Черная Звезда взойдет над песками, а Темно-Серая Звездочка разобьется в пыль, наступит час Перелома. Лишь в их лапах — дыхание рассвета, лишь в их когтях — судьба племени. Спасут — и обретут жизнь, но цена будет выжжена на их телах навеки. Не спасут — и сами станут жертвами на алтаре пустыни, где от них не останется даже тени.

ПРОЛОГ

Черепажоватая кошка, чья шерсть переливалась лоскутным узором из белого, коричневого, бежевого и черного, замерла у самого края входа в укрытие. Её огромные голубые глаза, обычно полные любопытства, сейчас казались двумя бездонными ледяными озерами, в которых отражался только хаос.

Она смотрела, как бушующая за пределами их песчаной колыбели буря — этот вечный, всепожирающий змей из снега и ветра — терзает остатки их некогда великого дома.

— Нас осталось меньше девяти — чей то голос прозвучал так тихо, что его почти поглотил вой метели, но в тесной пещере, наполненной запахом застоявшегося песка и холода, эти слова отозвались тяжелым эхом. — Возможно, это наши последние дни, — раздался другой голос, сухой, надтреснутый, словно хруст мерзлой земли под лапами, голос старейшины ещё мог держаться в этом холодном мире.

— Наше племя стало лишь разбитыми остатками, горсткой пыли, которую ветер разносит по ледяной пустыне. — Это маловероятно, Скалолом, — произнесла вскоре Черепажоватая кошка, стараясь придать своему голосу уверенность, которую сама уже давно не ощущала.

— Это возможно обойдется. Мы должны просто переждать этот пик безумия. Скалолом издал звук, похожий на горький смешок, переходящий в надрывный кашель. — Всё в этом мире возможно, Фэйсинь, — выдохнул он, медленно приподнимая тяжелую голову.

— Но Звездное племя они не просто покинули нас. Они расторгли связь, они разрушили всё, что мы строили столетиями. Как двуногие, что приручают котят, кормят их, а потом выбрасывают умирать на мороз, когда те становятся не нужны.

Мы для них — лишь мусор, заметаемый вечной зимой. Скалолом, когда-то могучий, мускулистый воин, чья сила в молодости была легендой среди всех окрестных племен, теперь выглядел как изможденная тень самого себя. Он лежал, свернувшись в глубине песчаного убежища, внимательно наблюдая за каждым движением своих соплеменников.

Его некогда грозные глаза, подернутые мутной пеленой старости, следили за тем, как последние искры жизни угасают в этом месте. Фэйсинь медленно обернулась. Она чувствовала, как холод пробирается сквозь её густую шерсть, напоминая о том, что оазис, который они так долго оберегали, окончательно промерз до самого дна. В пещере повисла тяжелая, гнетущая тишина.

Где-то снаружи буря на мгновение стихла, словно прислушиваясь к их обреченности, а затем обрушилась на вход с новой, яростной силой, засыпая песок снегом — предвестником конца их истории

ГЛАВА 1

Темно-серый кот, чья шерсть, густая и почти графитового оттенка, лишь изредка поблескивала редкими белыми волосками, замер на крошечном, почти плоском камне, выступающем из ниоткуда, словно обломок забытого мира. Ночь снаружи не несла привычной тьмы; она приносила лишь всепоглощающий ледяной холод и кружащиеся в бесконечном танце остатки снега, которые казались ошметками чьих-то разбитых надежд.

Перед ним пролегла узкая, обманчиво ровная тропа, уходящая в пустоту — скользкая, коварная нить, где одно неосторожное движение сулило неминуемое падение в бездну, где не было ни дна, ни конца. Кот попытался сделать шаг, стараясь максимально распределить вес, чтобы сохранить равновесие, но лапы, привыкшие чувствовать опору, предательски соскользнули. В первое мгновение показалось, что он покатился по ледяной глади, однако реальность оказалась куда страшнее: он даже не сдвинулся с места, словно само пространство решило удержать его в плену.

Его бледно-голубые, подернутые мутной пеленой глаза расширились, отражая панику, которая медленно, но верно сковывала всё его естество. Взор кота, словно натянутая тетива, устремился вдаль, где в густом мареве проступал призрачный контур парящего острова. *Осталось только дойти, что тут сложного?* — пронеслась отчаянная, почти безумная мысль, но стоило ему попытаться снова перенести центр тяжести или хотя бы просто оттолкнуться, как он понял: здесь, в этом черном, искаженном мире, само понятие трения перестало существовать, будто его стерли из мироздания.

Темно-серый кот беспомощно распластался на ледяной дорожке, всем телом ощущая мерзкое прикосновение пустоты — неприятное, пронизывающее до костей холодное нечто, которое смешивалось с разъедающим чувством голода. Он судорожно вцепился кончиками когтей и подушечками лап в края своей ледяной тюрьмы, отчаянно пытаясь найти хоть какую-то опору, но лапы, словно чужие, отказывались слушаться хозяина.

Он был заперт в этом бездонном мире, лишенный возможности упасть, подняться или сделать хотя бы шаг навстречу спасительной тверди. Это была не просто ловушка, это была сама суть безысходности. Остров, суливший жизнь и избавление от ледяного проклятия, находился всего в нескольких хвостах от него, но с каждой секундой расстояние казалось всё более непреодолимым.

Темно-серый кот замер, глядя на призрачную цель, и в его затуманенном разуме возник единственный мучительный вопрос: какова же цена этого последнего шага?. Темно-серый кот предпринял последнюю, отчаянную попытку подняться, напрягая мышцы до предела, но тело словно превратилось в чужеродную, непослушную материю, абсолютно лишенную воли к жизни. Холод, просачивающийся из самого сердца пустоты, сковывал его конечности, а всепоглощающее чувство безнадежности давило тяжелее, чем толща ледяных скал.

В этот момент тишину, царившую в бесконечном пространстве, разорвал странный, едва уловимый гул; это был звук текущей воды, но в нем слышалась мощь стихийного бедствия, словно где-то неподалеку бушевало неудержимое наводнение, готовое поглотить всё сущее. Озадаченный и напуганный, кот начал лихорадочно осматриваться по сторонам, однако вокруг него простиралась лишь абсолютная, мертвенная пустота.

Казалось, здесь никогда не было и не могло быть никакой воды, и всё, что он слышал, было лишь порождением его собственного разума, жестоким фантомом, издевающимся над его сознанием. В порыве паники темно-серый кот прижал лапы к ушам, пытаясь отгородиться от назойливого гула, но этот жест принес лишь обратный эффект: звук стал невыносимо громким, пульсирующим прямо внутри его головы.

Вместе с нарастающим шумом его тело пронзил новый виток ледяного оцепенения, превращая кровь в жилах в застывший иней. Внезапно мир вокруг него начал искажаться: он почувствовал, как воздух, доселе доступный, перестал наполнять легкие, и он начал стремительно задыхаться. Несмотря на то, что физически он был абсолютно свободен и ничто не преграждало ему путь, его собственная плоть восстала против него, вызывая мучительные судороги. Каждое сокращение мышц было пропитано агонией, и темно-серый кот, оставшись один на один со своей беззвучной смертью, продолжал хватать ртом пустоту, понимая, что его жизненные силы иссякают с каждым тяжелым вздохом.

Темно-серый кот, чей разум всё ещё блуждал в ледяных лабиринтах страшного видения, сделал отчаянный, судорожный рывок, пытаясь вырваться из цепких лап удушья. *Стук* Глухой, болезненный звук эхом разнесся по пещере, когда Горькошерст, чьи глаза, подёрнутые мутной пеленой слепоты, не смогли вовремя распознать край опоры, рухнул с камня на твердый, немилосердный ледяной пол. Тело целителя содрогнулось от резкой, пронзительной боли, которая моментально вытеснила остатки иллюзорного холода, и из его горла вырвался тихий, надрывный стон, отразившийся от стен убежища.

— Ты в порядке, Горькошерст? — раздался настороженный голос со стороны входа в пещеру, где в полумраке сгущались тени, принесенные бурей. Горькошерст, всё ещё тяжело дыша, с трудом поднялся на дрожащие лапы. Он часто и прерывисто заморгал, пытаясь сбросить остатки липкого сна, который всё ещё цеплялся за его сознание, словно ночной кошмар, не желающий отпускать свою жертву. Его некогда аккуратная шерсть сейчас выглядела ужасно: она свалилась в тусклые колтуны, покрылась слоем серой пыли и грязи, накопившейся за долгие дни вынужденного заточения в горах — с того самого момента, как они оказались здесь, целитель совершенно перестал следить за собой, забыв о самом простом кошачьем инстинкте — вылизывании.

В проеме показался Кот. Его темно-белая шерсть контрастировала с мраком пещеры, а бледно-жёлтые глаза с нескрываемым интересом, в котором сквозило легкое недоумение, изучали состояние Горькошерста. — Всё в порядке, Песчаник, — хрипло, будто после долгого молчания, ответил Горькошерст, пытаясь скрыть дрожь в голосе и вернуть себе подобие спокойствия. — А ну, я уж думал, ты тут собрался обвалы устроить, пытаясь пробить скалу головой, — Песчаник коротко усмехнулся, хотя в его взгляде всё еще читалась тень беспокойства за товарища.

— Ну смотри, чтобы не убили раньше времени. Нам еще хватит бед от этой проклятой зимы. С этими словами Песчаник развернулся и неспешно вышел из пещеры, растворяясь в сером маре метели, оставив Горькошерста наедине с тяжелыми мыслями и эхом того пророчества, которое теперь навсегда поселилось в его сердце. Горькошерст стоял в самом центре пещеры, едва удерживая равновесие на своих ослабевших лапах.

Его тело, истощенное долгим периодом бескормицы, дрожало от каждого порыва ветра, проникавшего сквозь ледяные щели, а в желудке давно свернулось тугим узлом чувство острой, почти болезненной пустоты. Он уже не мог вспомнить, когда в последний раз ощущал вкус свежей дичи — те немногие крохи, что удавалось добыть племени, уходили молодым и сильным, а целитель привык довольствоваться остатками, которых с каждым днем становилось всё меньше. Связь со Звездным племенем, некогда бывшая для него незыблемой опорой, оборвалась пугающе давно.

В его душе поселилось тяжелое, горькое убеждение: предки покинули их, отвернулись от своих детей, обрекая племя на вымирание в этих неприветливых скалах. Но недавний сон, терзавший его разум даже после пробуждения, не давал покоя. Лёд, ставший для него настоящей тюрьмой, гнетущее чувство абсолютной безысходности и этот странный, гулкий шум волн, который не должен был доноситься из замерзших гор — что всё это могло значить? Горько-

шерст пытался найти ответ в темноте пещеры, но его мысли путались, становясь такими же туманными, как и окружающая его реальность.

Он медленно перевел взгляд на небольшую расщелину в стене, надеясь увидеть там хоть какой-то знак или подсказку. Однако перед ним была лишь пустота — обычная, холодная трещина в камне, не сулившая ничего, кроме еще большей глубины и холода. В этот момент перед его глазами начали плясать навязчивые, мелкие желтые звездочки, предвещающие скорый обморок от истощения. Его сознание балансировало на грани между явью и очередным провалом в бездну, где не было ни звезд, ни племен, ни спасения от наступающего конца.

Горькошерст попытался сфокусироваться, призывая на помощь остатки своей целительской воли, но голос предков молчал, оставляя его один на один с вопросом, на который у него не было ответа: неужели это и есть то самое *отражение пустоты*, о котором шептались легенды, когда мир готовился к своему финальному падению?.

Горькошерст с усилием выпрямился, вытряхивая из головы остатки оцепенения и тот липкий, холодный ужас, что еще секунду назад сковывал его конечности. Сделав глубокий вдох, он переступил порог пещеры. Свежий, морозный воздух больно резанул по легким, но помог прогнать пелену перед глазами. — О, мое Звездное племя! — раздался сбоку чей-то раздраженный, резкий возглас. Горькошерст медленно повернул голову, чувствуя, как каждая мышца шеи протестует против движения. Справа стоял темно-коричневый кот, шерсть несмотря на все тяготы жизни в горах, выглядела почти опрятной — видно, что он старался сохранять хоть какое-то подобие достоинства. Лишь въевшаяся в подшерсток серая пыль выдавала их общее бедственное положение.

— Да ты посмотри на себя! — Скриполап окинул целителя критическим взглядом своих тускло-желтых глаз. — Тебе бы стоило... хотя бы пригладить шерсть. Хотя, впрочем, какой там язык, тут нужна вода. Горькошерст опустил взгляд на свои лапы и бока. Шерсть, цвет которой сейчас невозможно было определить — то ли темно-серый, то ли грязный светло-серый хотя впрочем какая разница — висела безжизненными клочьями, свалившись в плотные, неопрятные комки. Он не помнил, когда в последний раз тратил драгоценные силы на приведение себя в порядок; всё его существование свелось к попыткам выжить и понять, почему молчат предки. — Я приведу себя в порядок, Скриполап, — тихо отозвался Горькошерст, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. Скриполап задержался еще на мгновение, его взгляд, полный невысказанного упрека, сверлил целителя. Казалось, он хотел добавить что-то язвительное, но сдержался. — Поторопись, — бросил он через плечо, уже разворачиваясь, чтобы уйти.

— Предводитель Ярkozвезд не любит нерях. Ты же знаешь, он на это очень остро реагирует. Скриполап поспешно скрылся в темном зеве туннеля, его лапы тихо стучали по камню, пока он удалялся по своим делам. Горькошерст остался стоять на продуваемой ветром площадке. Слова воина отозвались в нем неприятным холодком: если даже в такое время, когда само выживание племени стоит под вопросом, Ярkozвезд продолжает требовать соблюдения порядка. Горькошерст двинулся дальше по извилистому, уходящему глубоко в недра скал туннелю, чьи холодные стены, казалось, сжимались от каждого его вдоха.

Мимо него лениво прохаживались несколько воинов Горного хребта; они устроились прямо на каменном полу, разрывая когтями скудную добычу, мясо которой почти полностью промерзло и напоминало ледяные камни. Увидев неопрятного, сторбленного целителя, воины обменялись колкими смешками, их голоса гулко отражались от сводов пещеры, но Горькошерст лишь плотнее прижал уши к голове, стараясь не замечать их высокомерного существования и продолжая путь в глубину гор.

Протиснувшись через узкий, почти непроходимый лаз, целитель внезапно оказался в просторном гроте, скрывавшем в себе подземное озеро. Здесь царила иная атмосфера: в отличие от остальной части их скудного убежища, озеро выглядело почти опрятно и даже величественно. Стены, потолок и даже сама вода были покрыты светящимся мхом, чье призрачное,

мягкое мерцание создавало ощущение древнего могущества, заставляя Горькошерста на мгновение усомниться, не является ли этот потаенный уголок их единственным истинным спасением в охваченном льдом мире.

У самой кромки воды сидели двое. Светло-серая кошка, чьи голубые глаза блестели любопытством, окинула целителя насмешливым взглядом, находя его жалкое состояние чем-то по-своему забавным.

— Ты, Горькошерст, давно здесь не появлялся, — промурлыкала она, смерив его глазами. — Судя по твоему виду, ты не приводил себя в порядок уже довольно... долгое время. Рядом с ней, грациозно выпрямив спину, замер второй кот. Его черная шерсть, глубокая и блестящая, контрастировала с темно-зелеными глазами, придавая ему необычайно элегантный для этих суровых условий вид.

— Действительно, — подал он голос, — давно я не видел, чтобы ты, Горькошерст, спустился сюда. — Я знаю, Тень, — глухо ответил целитель, обращаясь прямо к черному коту и игнорируя колкость кошки. — Я-то думала, целители должны вечно торчать в своих пещерах, — хмыкнула Чешуйница, не сводя с него пристального взгляда. — Перебирать сухие травы, изучать знаки или, на худой конец, размышлять над своими вечными пророчествами думая о будущем. Горькошерст тяжело опустился на камни, в его глазах промелькнула тень усталости и нескрываемого отчаяния.

— Здесь нет никакого будущего, — отрезал он, глядя в мерцающую глубину озера. — Хватит, Чешуйница, заниматься этой чушью. — Будущее есть, — спокойно возразил Тень, подавшись вперед. — Мы совершили вылазку в самую глубь Гор. Целитель вздрогнул, его блекло-голубые глаза расширились от изумления. — Правда? Как? Что вы там увидели? И ради чего стоило так рисковать? — Там скрыты колоссальные туннели и целые сети пещер, — начал объяснять Тень, его голос звучал ровно, несмотря на серьезность слов. — Это было безумно опасно, мы едва не остались там навсегда, но сумели выбраться. Как раз благодаря тому, что Звездное пле — Звездное племя? — Горькошерст резко прервал его, не в силах скрыть дрожь в голосе.

— Ты, кажется, бредишь. Они покинули нас еще несколько лун назад, оставив гнить в этом ледяном аду! — Нет, Горькошерст, — мягко, но твердо перебила его Чешуйница. — Они не ушли. Они рядом. Просто... так сложились обстоятельства, что они больше не могут вмешиваться и помогать нам напрямую. — Каким образом? — воскликнул целитель, вскинув голову.

— Ровно так, как мы и сказали, — ответил Тень. — Помочь они не в силах. Но они оставили нам знание: эта луна — лишь временное явление, последнее испытание перед рассветом. Горькошерст, не веря собственным ушам, медленно подошел к воде. Он склонился, жадно похлебал немного ледяной влаги, чувствуя, как она обжигает горло, и поднял взгляд на соплеменников, в котором читался немой вопрос, полный надежды и боли: — Они действительно так сказали? — прошептал он, и в тишине грота этот вопрос прозвучал как молитва. Чешуйница утвердительно кивнула, в её глазах на мгновение мелькнул огонек, который мог означать как глубокую убежденность, так и скрытую иронию, доступную лишь ей одной.

— Да, именно так, — подтвердила она, и в её голосе прозвучало некое подобие зловещего спокойствия. — Это то, что нам передали. Тень, который до этого момента внимательно следил за каждым движением Горькошерста, лишь тяжело вздохнул, глядя куда-то в сторону мерцающих сводов пещеры.

— Ну... в общем, что-то с чем-то, — нехотя добавил он, словно подбирая слова для описания чего-то необъятного и пугающе сложного. Горькошерст, чувствуя, что разговор зашел в тупик, решил последовать совету Скриполапа и заняться своим внешним видом, чтобы хоть немного вернуть себе достоинство целителя. Он опустил голову и провел шершавым языком по свалившейся шерсти на плече.

Однако, как только поверхность языка коснулась грязного, пропитанного пылью подшерстка, произошло нечто странное и неприятное: язык буквально прилип к шерсти, словно на ней была какая-то липкая, неестественная субстанция, порожденная здешним холодом или специфическим мхом. Горькошерст дернулся, пытаясь высвободиться, и растянул язык, но тот, вопреки его воле, намертво застрял в колтунах, создавая ощущение полной беспомощности.

Чешуйница, наблюдавшая за этой нелепой сценой, не сдержалась и расхохоталась. Её смех, звонкий и резкий, отразился от влажных стен пещеры, превращаясь в серию неприятных эхо, которые больно били по ушам целителя. Для неё это было лишь забавным зрелищем, очередным проявлением нелепости их жалкого существования, но для Горькошерста это была еще одна капля в чашу унижения, которую он вынужден был пить каждый день в этих проклятых горах.

Тень же, в отличие от кошки, лишь сжав челюсти, продолжал пристально смотреть на целителя, словно оценивая, как долго тот еще сможет сохранять остатки здравого рассудка в условиях этой бесконечной ледяной пытки. Язык целителя, наконец освободившись из ледяного плена, оставил во рту омерзительный привкус — горькая смесь ввевшейся в шерсть пыли и остатков старых, выветрившихся трав, которые он когда-то хранил в своих запасах. Но я всё равно рад, что ты нашел в себе силы выбраться из своей пещеры; последние луны ты выглядел как совершенно обезумевший — Ответил Тень.

Горькошерст пропустил эти слова мимо ушей, чувствуя, что оправдываться сейчас — значит проявлять слабость перед теми, кто всё еще сохраняет остатки былого величия.

Он принялся вручную, когтями, вычищать свалевшиеся клочья грязи из своего меха. — Я полностью согласна с Тенью, — отозвалась Чешуйница, внимательно следя за его неуклюжими попытками. — Ты так будешь чиститься до следующей жизни, такими темпами от тебя останутся одни кости. Поняв, что этот утомительный процесс не приносит желаемого результата, а лишь истощает последние силы, Горькошерст решился. Он осторожно вошел в воду. По телу пробежала резкая дрожь — несмотря на кажущуюся приветливость озера, вода была обжигающе холодной и прохладной. Сделав неуверенный шаг, он не рассчитал опору: правая лапа предательски соскользнула с влажного, скользкого камня, и целитель с глухим всплеском ударился головой о поверхность. Вынырнув, он судорожно закашлялся, пытаясь избавиться от попавшей в нос влаги. — Аккуратнее, Горькошерст! Давай помогу! — Тень мгновенно сорвался с места, бросившись к кромке воды, но целитель уже успел выбраться на берег, тяжело дыша и отряхиваясь.

— Не надо. Я справился сам, — коротко отрезал Горькошерст, стараясь сохранить остатки гордости. Он снова принялся за вылизывание шерсти, но теперь дело пошло куда быстрее. Вода размочила колтуны, и мех, освободившись от грязевой корки, начал приобретать свой истинный оттенок — темно-серый, почти графитовый, с редкими вкраплениями белых волосков, которые в тусклом свете мха поблескивали, словно настоящий иней. — Ну вот, я же говорила: стоило просто искупаться. Теперь ты выглядишь чистым, — удовлетворительно кивнула Чешуйница, подходя ближе к Тени. — Но он может простудиться! — встревоженно возразил Тень, оглядывая промокшего кота. — Здесь, в глубине туннелей, достаточно тепло, — отмахнулась Чешуйница.

— По-настоящему холодно только у выхода из пещеры, где проходы ничем не загорожены от внешних ветров. Действительно, Горькошерста пробирала мелкая, нервная дрожь, но постепенно он начал успокаиваться. Холод, царивший в гроте, был неприятным и колким ощущением, но его явно не хватало для того, чтобы серьезно заболеть или окончательно слечь. Целитель, чувствуя непривычную легкость в чистой шерсти, наконец-то почувствовал, что может сфокусироваться на чем-то, кроме собственного изнеможения. — Пойду обсохну, — глухо бросил Горькошерст, не оборачиваясь. Его голос звучал отстраненно, почти механически. Он медленно направился к выходу из грота, оставляя за собой на влажном камне цепочку мокрых

следов, которые быстро поглощала темнота туннеля. Каждое движение давалось ему с трудом: намокшая шерсть отяжелела, а холод, впитавшийся в кожу, начинал проникать глубже, заставляя мышцы неприятно ныть. Когда фигура целителя растворилась в извилистых коридорах горного лабиринта, Тень долго смотрел ему вслед, прищулив свои ярко-зеленые глаза. Тишина, нарушаемая лишь мерным капаньем воды со сводов, казалась теперь особенно гнетущей. — Давно он не покидал своей пещеры, — наконец произнес Тень, и в его голосе прозвучало редкое для него сочувствие.

— Помнишь? Он заперся там с того самого момента, как мы впервые переступили порог этого места. Целая вечность прошла, а он всё так же добровольно обрекает себя на заточение. Чешуйница, которая до этого задумчиво разглядывала свои когти, медленно подняла голову. Она перевела взгляд на туннель, куда ушел целитель, и её голубые глаза на мгновение потемнели, словно в них отразилась вся тяжесть их положения. — Ему приходится нелегко, — тихо ответила она. — Он переживает слишком много моментов, которые нас уже не касаются. Подумай сам, Тень: у него даже дел толком нет. Ни свежих трав, чтобы разбирать их до рассвета, ни близких друзей, чтобы разделить молчание. Он живет словно сам по себе, запертый в клетке собственных мыслей и ответственности. Да, он по-прежнему способен врачевать раны, его лапы всё еще знают толк в травах, но он стал чужим даже среди своих. Ни с кем не говорит, никого не подпускает... он превращается в тень самого себя. Тень замер, погрузившись в тяжелые раздумья. Он вспомнил, каким Горькошерст был раньше — до того, как горы стали их тюрьмой, а небо затянуло вечной пеленой.

— Да... — медленно протянул черный кот, глядя на светящийся мох. — Может, нам стоит как-нибудь зайти к нему? Попытаться вытянуть его из этого оцепенения? Иногда даже целителям нужно, чтобы кто-то другой их выслушал. Чешуйница лишь горько усмехнулась, качнув головой. — Бесполезно, Тень. Ты же знаешь его характер. Лучше оставить его в покое и не тревожить этот покой. Если мы нагрянем к нему без причины, он только начнет ворчать, отгораживаясь колючками еще сильнее, чем сейчас. Пусть обсохнет. Пусть побудет наедине с самим собой. Иногда тишина — это единственное лекарство, которое он может себе позволить.

В пещере вновь воцарилась тишина. Только озеро продолжало мерцать в глубине грота, равнодушно освещая безлюдный берег, где двое котов остались наедине со своими невеселыми мыслями о соплеменнике, который медленно терял связь с миром живых. Когда Горькошерст вошел в свою пещеру, его словно накрыло невидимым, тяжелым куполом. Это было не просто физическое пространство, ограниченное серыми, безжизненными камнями — это было хранилище его изоляции, где каждый выступ скалы казался застывшим неммым укором. Здесь воздух был неподвижен и тяжел, пропитан запахом старого камня, застоявшейся влаги и той самой специфической безысходности, которая въелась в его шерсть сильнее, чем дорожная пыль. Голод, терзавший его на протяжении многих лун, притупился, превратившись в ноющую, привычную слабость, которая уже не требовала борьбы, а лишь требовала смирения.

Желудок сводило спазмами, но само упоминание о еде вызывало у Горькошерста лишь приступ глухого отвращения. Его состояние, балансирующее на грани болезненного транса и глубокой депрессии, напрочь отбивало инстинкты. Казалось, если он съест хоть кусочек, этот мир — такой хрупкий и призрачный — окончательно разрушится, оставив его один на один с реальностью. Он обессиленно опустился на холодный каменный пол в самом дальнем, укромном уголке пещеры. Здесь было чуть темнее, чем в остальных местах, и именно этот полумрак давал ему иллюзию безопасности. Горькошерст свернулся в тугой клубок, поджав под себя лапы, и закрыл глаза.

Единственным способом сохранить остатки рассудка было ментальное путешествие. Он начал перебирать в памяти все травы, которые когда-либо знал, все целебные корни и листья, которые когда-то в изобилии росли на залитых солнцем лугах, до того, как горы стали их един-

ственным пристанищем. Мать-и-мачеха... — мысленно шептал он, представляя, как мягкие, теплые листья разминаются под лапами.

— Хорошо помогает от кашля, смягчает горло... Листья огуречника... приносят силу и бодрость после тяжелой болезни. Он вспоминал их текстуру, их горьковатый или пряный аромат, то, как они отзывались на прикосновение языка. В его воображении пещера наполнялась ароматами лета, перебивая запах сырой плесени. Это занятие было его единственной нитью, связывающей его с прошлым, с его предназначением целителя. В этом ментальном каталоге не было места для голода, холода или пророчеств о конце племени. Там, в мире его знаний, всё еще существовал порядок, всё еще была логика: болезнь требовала лечения, а растение — своего места в мире. Но стоило ему открыть глаза, как видения рассеивались, разбиваясь о суровую серую действительность. Перед ним снова был голый камень, а в ушах звенела лишь тишина, которую не нарушало ни шелестение листвы, ни чье-то дыхание. Горькошерст понимал, что этот бесконечный мысленный список — лишь способ отсрочить неизбежное, способ заставить себя не чувствовать, как медленно и неотвратимо жизнь покидает его собственные жилы.

Но другого пути у него не было. Пока он помнил названия всех трав, он оставался целителем. Пока он был целителем, у него оставалась хотя бы призрачная причина продолжать дышать в этом каменном склепе. Горькошерст позволил векам сомкнуться, хотя сон был для него лишь тонкой пленкой, наброшенной на бездну усталости. Он не искал забвения, лишь пытался сбросить с плеч ту невыносимую тяжесть, что копилась в нем лунами — груз невыполненных пророчеств, тяжесть произнесенных слов и холод, пропитавший до самых костей. В этом полузабытии грани реальности истончались; камни пещеры казались мягкими, а воздух — чуть менее спертым.

Именно в этот зыбкий момент, когда сознание уже начало дрейфовать в сторону туманных образов прошлого, он услышал это. Звук прорезал тишину, как трещина на тонком льду — резкий, лишенный всякой торжественности, почти механический. Голос был грубым, надтреснутым, словно кто-то перетирал сухие кости, и в то же время в нем сквозила пронзительная, тонкая нотка, свойственная только котяткам, чье детство было украдено этим ледяным миром. Горькошерст дернулся, его тело мгновенно напряглось, готовое к прыжку, но старость и истощение не позволили ему двигаться быстро.

Разум лихорадочно заработал, выискивая знакомые интонации в этом скрежете. Чей это голос? Неужели Звездное племя решило заговорить через этот шум? Нет, это слишком земное, слишком испуганное. На мгновение ему показалось, что это Пепелинолапая, чьи вечно задорные интонации могли бы пробиться даже сквозь толщу скал. Он распахнул глаза. Зрачки сузились, пытаясь сфокусироваться в полумраке пещеры. Сначала ему померещилось, что в воздухе пляшет лишь заблудшая пылинка, подсвеченная тусклым лучом, пробившимся сквозь расщелину в потолке. Всего лишь пыль... мой рассудок окончательно сдает позиции — пронеслось в голове целителя. Но пятно пыли внезапно обрело форму, плотность и характер. Прямо перед ним, дрожа, сидела кошечка.

Её шерсть была всклокочена, а вид настолько отчаянный, что Горькошерсту на миг стало больно смотреть на неё — в её облике читалась та же печать безнадежности, которую он видел у Скриполапа, только умноженная на беззащитность ребенка. — Горькошерст! — голос котенка сорвался на хрип. — Там мама... Я не знаю, что с ней! В одно мгновение весь *ментальный каталог* трав, который он только что выстраивал в уме, рассыпался в прах. Холод, голод, усталость — всё отошло на второй план. Профессиональный инстинкт, тот самый, что долгие сезоны удерживал его от полного безумия, ударил в голову, как электрический разряд. Мышцы целителя напряглись до предела.

— Говори! — почти выдохнул Горькошерст, его голос звучал пугающе сухо. — Где она? Что произошло? Он уже поднимался на лапы, чувствуя, как когти царапают камень, и лихора-

дочно соображая, есть ли у него хоть какие-то запасы — жалкие ошметки коры или засохшие стебли, способные хоть на каплю облегчить то, что могло скрываться за словами: я не знаю, что с ней. В глубине души он уже знал, что в их племени такие слова — это зачастую приговор, но как целитель он не имел права сдаваться раньше, чем увидит пациента. Каждое мгновение сейчас стоило чьей-то жизни, и этот будто *ледяной шепот* пустыни, казалось, насмешливо затихал, ожидая, сможет ли старый лекарь спасти хотя бы одну искру в их угасающем мире. Пылинка не стала тратить время на объяснения, которые всё равно не смогли бы передать глубину её страха. Она лишь коротко бросила через плечо: Быстрее!, и этот отчаянный зов, пропитанный детской беспомощностью, отозвался в груди Горькошерста глухим, болезненным ударом. Котенок метнулся в темноту коридора, едва успевая перебирать короткими лапками по неровному, скользкому камню.

Горькошерст в одно мгновение забыл о своей апатии, о недавнем оцепенении и даже о боли в суставах. Его мозг, привыкший к анализу трав и симптомов, превратился в лихорадочно работающий механизм. Варианты проносились перед глазами, как сменяющиеся кадры кошмара: смертельная лихорадка проклятая ледяная болезнь внутренние повреждения после обвала или — что было совсем не редкостью в последние луны — фатальное истощение, когда организм королевы отдавал последние капли жизни своим котяткам, сам превращаясь в иссохшую оболочку.

Он бежал, вдвое быстрее Пылинки, и, чтобы не потерять её в лабиринте туннелей, ловко подхватил малышку за шкирку. Она была пугающе легкой, почти невесомой — еще одно свидетельство того, как голод высасывал жизнь из их племени. С Пылинкой в зубах, чувствуя её испуганное, частое сердцебиение, Горькошерст рванулся к Яслям. Когда они ввалились в пещеру, служившую материнским гнездом, целитель замер. Картина, открывшаяся ему, была пропитана той самой тишиной, которая страшнее любого крика. Королева, темно-серая кошка, чье имя отозвалось в памяти Горькошерста с привкусом горечи, лежала на холодном каменном полу, вытянувшись во весь рост. Она не шевелилась, и в первый миг целитель похолодел, решив, что опоздал, что дыхание покинуло это тело еще до их прихода.

Он аккуратно опустил Пылинку на выступающий камень, не сводя глаз с матери, и бросился к ней. Во имя Звездного племени взмолился про себя Горькошерст, хотя сам не верил, что предки слышат этот безмолвный вопль из ледяной преисподней. Его лапы, еще недавно дрожавшие, теперь действовали с механической точностью. Он приложил ухо к боку королевы, стараясь уловить хоть какое-то движение легких. Она была жива. Но едва ли это приносило облегчение.

Темно-серая кошка лежала, словно поверженная воительница, не способная даже поднять голову. Спустя бесконечно долгий миг, наполненный хриплым, рваным шумом, её веки дрогнули. Она медленно открыла темно-зеленые глаза, но в них не было того привычного материнского огня — только мутная пелена нестерпимой боли и слабости. Она попыталась вдохнуть, но из груди вырвался лишь сухой, надсадный хрип, похожий на шелест осыпающейся горной породы. Горькошерст ощупал её живот и лапы, стараясь не причинить лишней боли. Тело королевы было неестественно холодным, а шерсть сбилась в комки, такие же, как когда-то у него самого.

Но он был целителем, и сейчас, глядя в эти угасающие зеленые глаза, он понимал: если он позволит ей сейчас закрыть глаза, эта пещера станет для неё последним приютом. Он сжал зубы, подавляя вспышку отчаяния, и начал лихорадочно вспоминать, есть ли в его скудных запасах хоть что-то, способное удержать её дух в этом истощенном теле. Диагноз ускользал, как ускользает в пальцах рассыпающийся песок. Сначала Горькошерст заподозрил обморожение — бич их племени, верный спутник каждого, кто осмеливался провести хоть час в коридорах Горного хребта без движения. Но стоило ему, следуя древнему инстинкту, коснуться своим холодным носом её носа, как истина ударила его в самое сердце. Кожа королевы горела.

Это был не просто жар — это был пожар, пожирающий её изнутри. Лихорадка вгрызалась в обессиленное тело, заставляя мышцы подрагивать в конвульсиях, а дыхание — превращаться в свистящий, прерывистый гул.

— Пылинка, немедленно зови предводителя! — выдохнул Горькошерст, его голос прозвучал резче, чем он намеревался. — Сейчас же! Котёнок застыл у края камня, его огромные, полные слез глаза впились в лицо целителя. В этом взгляде читалось недоверие, смешанное с ужасом, который дети испытывают, когда осознают, что взрослые — те, кто должен был быть опорой — сами стоят на краю пропасти. — А ты? — голос Пылинки дрогнул, превратившись в тонкий, надрывный писк. — Ты... ты же целитель! Неужели ты бросишь её? Горькошерста будто ударили наотмашь. Этот вопрос, простой и беспощадный, обнажил всю его наготу перед лицом судьбы. В его памяти всплыли образы прошлых лун: как он, Горькошерст, с гордостью сортировал запасы целебных листьев, как сушил корни, как знал, какая трава спасет от легкого недомогания, а какая — вырвет из когтей Звездного племени при серьезной ране. Но где это всё сейчас? Пустые, пыльные ниши в его пещере. Истертые в порошок остатки бывшего могущества.

Вокруг — лишь холодный камень и ледяная пыль. Ни целебной паутины, ни сочного огуречника, ни даже самой простой кошачьей мяты. Он был подобен воину, вышедшему на решающую битву без когтей. Осознание собственной беспомощности навалилось на него, как горный обвал, но Горькошерст знал: если он даст слабину сейчас, если в его глазах блеснет этот предательский страх, Пылинка окончательно сломается. Пойти просить другое племя? Оскорбление. Отказ. Насмешка. Они считают нас изгоями, мы — лишь тень, доживающая свои дни в проклятых туннелях. Они не поделятся даже щепоткой сухой травы, зная, что мы — ходячие мертвецы. Эти мысли пронесли в голове за долю секунды. Он не мог допустить, чтобы этот ребенок увидел панику.

Он — целитель. Его долг — быть скалой, даже если эта скала трещит по швам. Горькошерст глубоко вдохнул, сглатывая горечь, и заставил себя выпрямиться. Он напустил на лицо маску холодного, профессионального спокойствия, хотя внутри него всё кричало от бессилия. — У меня есть план, — произнес он, и голос его прозвучал неожиданно твердо, почти властно. — Но для этого мне нужно, чтобы ты была сильной. Иди за Ярkozвездом, мигом. А я... я сделаю то, что должен. Я не оставляю её, пока во мне теплится хоть искра жизни. Он перевел взгляд на больную королеву. Его лапы начали лихорадочно искать способы — может, растереть её шерсть? Может, попробовать выжать хоть каплю влаги из мха на стенах, чтобы охладить лоб? Он был обречен, он знал это, но он не имел права позволить смерти прийти в этот грот, пока он здесь. Быть целителем — это не значит всегда побеждать; иногда это значит просто стоять на страже, пока не погаснет последняя звезда.

Горькошерст в отчаянии обвел взглядом пещеру — серые, равнодушные стены не предлагали ничего, кроме пустоты. Ни целебных листьев, ни даже завалявшегося корешка. Но вдруг, словно вспышка озарения, перед его глазами возникло мерцание того самого грота с подземным озером. Светящийся мох! Он видел его там, он чувствовал его странную, холодную энергию. Не теряя ни секунды, он сорвался с места. В его теле, казалось, проснулась та самая стремительность, которую он давно похоронил под грузом лет и безысходности. Ворвавшись в грот, он не раздумывая прыгнул в воду, погружаясь в ледяную купель. Пальцы, онемевшие от холода, вцепились в скользкое дно, выдирая клочья светящегося мха. — Ого... — донеслось откуда-то с берега. Горькошерст даже не обернулся, чтобы посмотреть на удивленного белого кота — в его голове пульсировала лишь одна мысль: Жизнь Он мчался обратно так, будто за ним гнались призраки всех павших соплеменников. Добравшись до Пепельнолапой, он первым делом осторожно выдавил несколько драгоценных капель влаги, пропитанной соком мха, прямо ей в пасть, надеясь, что она хоть немного проглотит. Остальное он приложил к её голове, к самым чувствительным точкам, где жар был наиболее сильным.

— Возможно, это сработает как охлаждение... — подумал он, чувствуя, как собственные лапы дрожат от перенапряжения. Снаружи послышался гул шагов. В пещеру ворвалась процессия: Яркозвезд, чья оранжевая шкура казалась неестественно яркой в этом полумраке, следом за ним — массивный Камнегрыз у которого шерсть Блестела Светло-серым цветом, и настояренный темно-коричневый кот Скриполап. Пылинка, словно маленький вихрь, проскочила мимо них, бросившись к матери с неистовым криком. Скриполап, чей взгляд был прикован к бездыханной Пепельнолапой, глухо спросил: — Она будет жить? Горькошерст поднялся, вытирая лапы о шерсть. Его вид был далек от величественного, но в глазах горела твердость. — Я сделал всё, что в моих силах. Но этого мало. Ей нужны травы, много трав, чтобы сбить этот убийственный жар. — Надо попросить у Лыдиной Звезды, — тут же отозвался Скриполап. — У них в племени целительница хранит запасы, у них там скалы не такие проклятые, как у нас. Камнегрыз одобрительно кивнул: — Неплохая идея. Я могу сходить, позвать их или хотя бы попытаться договориться. Но Яркозвезд, до этого хранивший молчание, издал низкий, рычащий звук. Его шерсть на загривке встала дыбом. — Мы не можем быть слабыми перед Горным Хребтом — отрезал предводитель.

— Попрошайничество — это признание того, что мы уже мертвы. Вы хотите, чтобы нас выставили на посмешище? Скриполап сделал шаг вперед, его тускло-желтые глаза блеснули вызовом: — А если мы не попросим помощи, мы так и останемся вымирать? Что лучше: гордо погибнуть в этих пещерах или рискнуть ради того, чтобы выжить? Пепельнолапая — не просто королева, это наше будущее, Яркозвезд! Горькошерст переводил взгляд с предводителя на воина, чувствуя, как внутри него закипает конфликт, который мог стоять племени последнего остатка единства. Решение нужно было принимать сейчас, пока Пепельнолапая еще дышала. — Ладно.. Зовите Целительницу сюда — Промолвил Яркозвезд Яркозвезд, ссутулился под тяжестью принятого решения. Его оранжевая шерсть, некогда гордость Горного хребта, теперь казалась тусклой и припорошенной каменной крошкой, а в глубине его глаз, обычно твердых и непоколебимых, промелькнула тень сомнения — мимолетная, почти незаметная, но говорящая о том, как глубоко кризис подорвал его власть.

Камнегрыз, не дожидаясь повторного приказа, сорвался с места, превратившись в темную стремительную тень, исчезающую в лабиринтах туннелей. Горькошерст не отрывал взгляда от дыхания Пепельнолапой. Его собственное сердце колотилось в такт с этим неровным, хриплым ритмом жизни. — Долго будем глазеть? — голос целителя прозвучал суше, чем он хотел, но в нем слышалась сталь. — Или, может, вы наконец займетесь делом, пока этот грот не стал для неё склепом? Скриполап, метнув на целителя острый, как осколок кремня, взгляд, коротко кивнул и бесшумно скрылся в Туннеле. Предводитель задержался. На долю мгновения в пещере воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь гулом ветра, просачивающегося сквозь трещины в скале.

Яркозвезд смотрел на неподвижную кошку с выражением, в котором смешались боль утраты и гнев на собственное бессилие, а затем, тяжело вздохнув, развернулся и ушел, оставив после себя лишь запах пыли и тревоги. Когда шаги стихли, Горькошерст остался в гнезущем полумраке наедине с пациенткой и котенком. Пылинка, прижавшаяся к боку матери, выглядела до обидного маленькой. Она казалась крошечным островком тепла, который вот-вот поглотит ледяной океан этого места. Целитель, чувствуя, как внутри него снова закипает профессиональная тревога, мягко, но настойчиво подхватил котенка за шкурку и отстранил от больной. — Давай, отойди немного подальше, Пылинка, — проговорил он сквозь зубы, стараясь, чтобы голос звучал по-отцовски строго, а не дрожал от страха.

— Не хватало еще, чтобы ты подхватила этот жар. Смерть здесь и так бродит слишком близко. Пылинка не стала спорить, лишь тихонько отодвинулась, свернувшись в калачик на холодном камне. И в этот момент, когда свет от мха упал на её тело под другим углом, Горькошерст заметил неладное. Маленькая передняя лапка котенка выглядела неестественно

бледной, почти прозрачной. Она была покрыта тонкой коркой инея, а на ощупь — когда он осторожно проверил её подушечки — напоминала ледяной камень. Сердце целителя ухнуло вниз. Обморожение — вспыхнуло в голове. В таких условиях, без еды и тепла, это был верный путь к ампутации или омертвлению тканей. Он замер, затаив дыхание, наблюдая за тем, как Пылинка едва заметно пошевелила подушечками лап, сжимая их в крошечный кулачок. Движение было медленным, неуверенным, причиняло котенку боль — она поморщилась, — но оно было. Лапка функционировала. Горькошерст с облегчением выдохнул, чувствуя, как с плеч упала хотя бы часть непосильного груза. Обошлось. Пока что обошлось. Теперь всё зависело от того, удастся ли Камнегрызу привести помощь, и захочет ли лекарь другого племени делиться тем, что могло спасти их всех. Он снова склонился над Пепельнолапой, прислушиваясь к её дыханию, которое становилось чуть ровнее благодаря прохладе светящегося мха.

В этой тишине, среди голых камней, целитель начал свою невидимую, отчаянную битву. Ожидание было мучительным, время в пещере словно загустело, превратившись в вязкую, холодную массу. Горькошерст то и дело прислушивался к эху шагов в туннелях, его собственные мышцы затекли, а сознание постоянно возвращалось к жару, исходящему от тела Пепельнолапы. Когда наконец в полумраке показались силуэты, целитель невольно напрягся, подавшись назад. Камнегрыз вернулся не один. Вслед за ним в пещеру грациозно ступила кошка, чья шерсть отливала глубоким, почти полночным синим цветом, а янтарно-золотые глаза светились в тусклом свете мха с пугающей ясностью. Это была целительница племени Горного Хребта. В её пасти виднелись лишь несколько иссушенных, почти серых листочков — жалкий урожай для столь сурового сезона, но для Горькошерста сейчас они казались ценнее чистого золота. Целительница без лишних слов подошла к Пепельнолапе. Её движения были выверенными, лишёнными суеты. Она осторожно разложила свои запасы на каменном полу рядом с больной, и Горькошерст, внимательно наблюдая за ней, заметил странную деталь: на её правом ухе, словно вплетенная в густую шерсть, держалась небольшая, живая на вид лоза. Зеленый побег выглядел чужеродным в этом мертвенном мире камней и льда. Откуда она могла взять растительность, способную жить в таких условиях? Этот вопрос занозой засел в сознании целителя, но сейчас он отодвинул его на второй план.

— О, Звездное племя... — тихо выдохнула Целительница, склоняясь над Пепельнолапой. Её взгляд, скользящий по больной, был профессионально-отстраненным, но в нем проскальзывала нотка искренней тревоги. Камнегрыз, тяжело дыша после быстрого бега, не сводил с неё глаз. — Гирляндилика, — обратился он к ней, его голос эхом разнесся по пещере, — твои травы помогут? Ты уверена? — Конечно, — ответила кошечка, не оборачиваясь. Её уверенность подействовала на Горькошерста как холодный душ: он невольно сравнил её состояние со своим собственным — растерянным, опустошенным и безнадежным. Она была целительницей, которая всё ещё имела власть над болезнью. Она ловко пододвинула мордочкой несколько сухих травинок ближе к губам Пепельнолапы. — Съешь, — мягко, но настойчиво скомандовала она. Пепельнолапа, повинувшись инстинкту, слабо потянулась к подношению и медленно проглотила горькие фрагменты растений. Гирляндилика на мгновение улыбнулась — это была странная, чуть печальная улыбка, вызванная едва заметным улучшением состояния королевы. Горькошерст, стоявший в стороне, чувствовал, как внутри него смешиваются благодарность и горькое чувство профессиональной зависти.

Его взгляд снова зацепился за загадочную лозу на ухе Гирляндиликой. Это было не просто украшение, это был знак — знак того, что где-то в горах жизнь всё ещё цепляется за поверхность, что есть тайные места, о которых он, запертый в своей пещере, даже не подозревал. Он не выдержал и, дождавшись, пока королева хоть немного придет в себя, обратился к Камнегрызу: — А почему, Камнегрыз, ты не мог просто попросить передать травы? Зачем нужно было тащить её сюда, в эту дыру? Это же риск для неё, и... лишние глаза, лишние вопросы. Камнегрыз замялся, переминаясь с лапы на лапу.

Он отвел взгляд, словно сам только сейчас осознал нелогичность своего поступка. — Ну... я не знаю. Просто... так было нужно, — промямлил он, явно не желая вдаваться в подробности того, что именно побудило его привезти сюда единственную надежду племени. Горькошерст прищурился, понимая, что в этой истории есть свои скрытые течения, о которых он пока не догадывается. Теперь, когда в пещере появилась Гирляндилика со своим таинственным *зеленым грузом*, обстановка накалилась до предела. Гирляндилика проводила взглядом удаляющегося Камнегрыза, и в её янтарных глазах на мгновение вспыхнуло нечто большее, чем просто целительская забота — некая доверительная теплота, почти нежность, которая казалась совершенно неуместной в ледяном склепе их племени. Когда она повернулась к Горькошерсту, её выражение лица стало вновь деловитым и сухим. — Травы — лишь катализатор, — произнесла она, голос её эхом отразился от стен, создавая иллюзию присутствия кого-то еще.

— Остальное сделает её организм. Но ей нужен абсолютный покой. Никаких тревог, никаких резких звуков. Она сейчас как хрупкое стекло, которое держится лишь чудом. Пепельнолапая в этот момент издала слабый звук, напоминающий вздох облегчения. Её голова дернулась, и кусочек светящегося мха, который Горькошерст так отчаянно прикладывал к её виску, соскользнул, беззвучно шлепнувшись на серый камень. Свет от него на мгновение померк, но затем вновь разлился по полу, озаряя мордочку королевы. Она дышала ровнее — лихорадочный хрип начал уступать место глубокому, пусть и тяжелому дыханию.

Пылинка, наблюдавшая за этим с затаенным дыханием, сделала робкий шаг вперед. — А мама... она точно поправится? — прошептала кошечка, в её голосе звенела надежда, болезненная и острая. Гирляндилика обернулась к котенку, и на её лице появилась едва уловимая, печальная улыбка. — Она поправится, малышка. Звездное племя еще не готово забрать её в свои уголья. Будь спокойна. Горькошерст стоял в стороне, чувствуя, как внутри него закипает ядовитая смесь стыда и жгучей, почти животной злости. Он был целителем этого племени. Он знал каждый камень в этих проклятых туннелях, каждую травинку, которую можно было найти в радиусе трех лун, но сейчас он стоял здесь, как бесполезная тень, в то время как чужачка за пару мгновений сделала больше, чем он за весь сезон. Каждое её слово, каждый взгляд, брошенный на пациентку, были для него как удар когтем по самолюбию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.